

СТАРСТЬ, ПЕРЕХОДЯЩАЯ В ДЕТСТВО

Диалог с Михаилом Жванецким, юмористом и человеком, накануне его шестидесятилетия

Юбилей Жванецкого, которому сегодня исполняется шестьдесят лет, — событие государственного значения. Его любят все: правые и левые, славянофилы и западники. Первые готовы простить ему «подозрительную» национальную принадлежность, последние — полную аполитичность. Нет журналиста, который не мечтал бы взять у него интервью. Мечтал и я, но безрезультатно — в Москве сейчас Жванецкого нет, по слухам, он скрывается где-то в Одессе, считай, за кордоном... Но книги Жванецкого здесь — над одной из них я и задремал в преддверии юбилея автора... И, увидев себя под ручку со Жванецким на Дерибасовской, первым делом спросил — не больно ли ему за бесцельно прожитые годы?..

— Шшш!.. Шшш!.. Тшш! О таких вещах только между нами. Я тебе, ты мне — и разбежались! Не дай бог! Что вы?! Жизнь одна, и прожить ее надо так, чтобы не было больно... Читали?! И все! Все разговоры, замечания только среди своих — папе, маме, дяде, тете. И все! И разбежались. А вы на всю улицу... Что вы?! Осторожнее! Десять тысяч человек, и все прислушиваются. Вы их знаете? А кто за углом?.. Ну не можете молчать, вас распирает — возьмите одного-двух, заведите домой...

— Михаил Михайлович, перестаньте шутить. Я вас серьезно спрашиваю — в чем смысл жизни?

— Надо стараться сохранять чувство собственного достоин-

ства. Для себя. Оно действительно никому не нужно, это не анекдот. Оно не нужно даже вам. В мистах, где надежность человека определяется именно отсутствием собственного достоинства, оно выглядит дико. Как принято говорить, вас никто не поймет, и будут урезать зарплату до тех пор, пока вы не уедете в тайгу. Непонятно, почему это так, не скажу, как преследуется, как изживается. Почему так ценится готовность поддакивать, совсем не свидетельствующая о готовности сделать или даже о попытке посоветовать на заданную тему. Сохранить достоинство можно только уходя. Уходя домой. Уходя от телефона. От книги. От газеты. И все-таки. Его надо со-

хранить, потому что у многих есть дети.

— Вы одессит до мозга костей, а большую часть жизни провели в Москве, Ленинграде...

— Из Одессы можно выехать, можно уехать навсегда, но сюда нельзя не вернуться. Здесь, когда доходит до дела, все моряки, все рыбаки, все врачи и все больные... И, когда была холера, в Одессе стало еще лучше.

Холера в Одессе. Курортники в панике покинули гостеприимный город. На крышах вагонов битком, купе забиты, а в городе стало тихо: холера в Одессе... В городе стало так чисто, что можно было лежать на асфальте. На улицах появились растерянные такси с зелеными огоньками, чего не наблюдалось с 1913 года.

Я жил Одессой, кормился ею, писал для нее, и жаль, что полностью понять меня могли только там, где меня не было. Но когда я летом хожу мимо одесских дач и из-за забора слышу свой голос — что может быть выше этой чести быть понятым еще при жизни?

— Представьте, что перед вами появился ваш ангел-хранитель. Что бы вы ему сказали?

— Мне шестьдесят лет. Из них

три года я провел в очередях. Я иногда болел. Иногда жаловался. Меня иногда вызывали. Мне назначали прием на двенадцать часов. Ни разу. Ни разу за мои шестьдесят лет меня не приняли ровно в двенадцать. Кому-то нужно было мое время. Полчаса, час, два моей жизни, и я отдавал.

Мне шестьдесят лет. Из них на ожидание в приемных ушло два года. Два с половиной года я провел в столовых в ожидании блюд. Два года — в ожидании расчета. Год ждал в парикмахерской. Два года искал такси. Три года валялся на чехмедах в вестибюле гостиницы и смотрел собачьими глазами на администратора.

Всем нужно мое время. У меня его мало. Но если нужно...

Мне шестьдесят лет. В ожидании я провел пятнадцать. Двадцать лет я спал. Осталось двадцать пять. Из них семнадцать — на счастливое детство. И только восемь я занимался своим делом.

Мало. Я бы мог сделать больше. Зато я научился ждать.

Ждать упорно и терпеливо.

Ждать, не теряя надежды.

Ждать, сидя на стуле и покачиваясь.

Ждать, стоя и переминаясь. Ждать, прислонясь к стене. Ждать в кресле, пока оно поговорит по телефону.

Ждать и ни о чем не думать.

И только сейчас, когда мне шестьдесят, я думаю: не слишком ли долго я ждал?..

— Михаил Михайлович, прежде чем окончательно проснуться, я хочу задать вам бестактный вопрос. Снажите, что такое старость?

— Та же жизнь, но уже в очках, уже с болью в колене и родственниками в больнице. Мысли не напрягают тело, желания не переходят в действия.

Та же жизнь, но с ироничным взглядом. Чужая любовь не возбуждает, а для себя лень распускать то, что осталось от хвоста.

Та же жизнь, а чужие ошибки радуют больше, чем свои достижения, а мечты из создающих переходят в разрушающие.

И на чей-то шепот: «Иди ко мне, мой милый», как бы быстро ты ни побежал, ты все равно лишний.

Та же жизнь, но ты уже знаешь, что слово «реанимация» означает лежание, а слово «лежание» означает хождение, а хождение — это мышление, а мышление — это старость, переходящая в тихое детство, если успеет, если успеет, если успеет...

Грезил наяву
Алексей ФИЛИППОВ.

В интервью-сновидении использованы фрагменты рассказов из книги М. Жванецкого «Год за два».